

ТАМАРА ЗЛОБИНА

Души прекрасные порывы

ТРИ МИНИ-ПОВЕСТИ

Тамара Злобина

**Души прекрасные порывы.
Три мини-повести**

«Издательские решения»

Злобина Т.

Души прекрасные порывы. Три мини-повести / Т. Злобина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935238-5

1. «Дуля с Мартынова сада» — Художник из Москвы — Константин Рагозин, выезжает на пленэр в Саратовскую глубинку, где живёт тётушка Полина. Дорогой ему снится сон, предвещающий странные события... 2. «Неразменная купюра». Витька Трынкин находит тысячную купюру, которая оказывается неразменной. И дальше с ним начинают происходить невероятные события. 3. «Мартовский кот». Две подруги — Наталья и Ирина, чтобы вернуть в лоно семьи мужа первой из них, затевают игры с лицедейством...

ISBN 978-5-44-935238-5

© Злобина Т.
© Издательские решения

Содержание

1. «Дуля с Мартынова сада»	6
Глава 1. Рагозин	6
Глава 2. Странный сон	10
Глава 3. Дуля с Мартынова сада	13
Глава 4, Катерина	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Души прекрасные порывы Три мини-повести

Тамара Злобина

© Тамара Злобина, 2018

ISBN 978-5-4493-5238-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. «Дуля с Мартынова сада»

Глава 1. Рагозин

Константин Рагозин в кои-то веки собрался на пленэр: надоел однообразный городской пейзаж с его бетоном, асфальтом, бледными цветами городской жизни. Душа просила большего: простора, высокого ясного неба, ярких красок. Душа просила полнокровной жизни.

Рагозин не был, что называется «свободным художником». В таком качестве он вряд ли смог выжить в нашем меркантильном мире. Впрочем, художником он был неплохим. Как отзывались о нём ценители живописи: самобытный, интересный, перспективный. Эти качества позволили ему «подрабатывать на жизнь» сразу в двух местах: в рекламном агентстве и небольшой частной типографии.

Подходило время отпуска, который Константин решил посвятить давней своей мечте: наконец, выбраться на природу – «на пленэр», как любил говорить его старый учитель живописи. Костя дотошно выспрашивал друзей-художников куда они отправляются обычно летом на этюды, чтобы и натура была, и в тьму-таракань не забураваться. Чтобы можно было и поработать, и отдохнуть с пользой.

На что один ответил весьма туманно:

– Знаешь, Костя, всё это от состояния души зависит... Иной раз именно в таракани и находишь самую лучшую природу...

Другой заявил:

– У меня, Рагозин, такого места нет: сегодня я в одном месте малюю – завтра в другом.

Третий вообще не стал отвечать на «провокационный вопрос».

– Да, – думал Константин, – с дружбой в наших кругах туговато. Видно на самого себя придётся рассчитывать...

И тогда он назло своим друзьям-приятелям решил отправиться в деревню к тётке – в глушь, в Саратов, и не в переносном смысле, а в что ни на есть прямом. Благо, что именно там и жила его любимая тётушка По: Полина Яковлевна – старшая сестра матери.

При одном упоминании имени тётушки По у Кости сразу расплывался рот до ушей, ибо эту заводную, весёлую женщину нельзя было вспоминать без улыбки.

– И какого я сижу здесь в этом душном и пыльном городе, когда есть такие раздольные, бескрайние места? – с удивлением интересовался он. – Тем более По давно пеняет, что единственный племянник лет десять не кажет носа на родину...

Но воспоминание о неблизкой и разухабистой дороге до села Ивановки, где с незапамятных времён проживает род Рагозиных, моментально сгоняло улыбку с его лица.

– Да уж, – с сожалением думал Константин, – дороги там, прямо скажем, оставляют желать лучшего.

И тут же уточнял:

– Хотя натура стоит того...

Промаявшись несколько дней сомнениями, он всё же решил посоветоваться с матерью, которая жила на другом конце города с новым «мужем», бывшем на семь лет моложе её.

Он не осуждал мать – нет, считая, что не имеет права на это. Но всегда чувствовал себя в присутствии Дмитрия Михайловича не в своей тарелке. Потому бывал у них нечасто, и в основном тогда, когда Димыча не было дома. Вот и сейчас подобрал именно такой момент.

Мать Константина – Нинель, молодящаяся сорокапятилетняя женщина, со всей страстью полевого цветка, вступающего в пору увядания, встретила его с белой маской на лице и шее, делающей её похожую на древнегреческую статую. Высокая, всё ещё стройная Нина Яковлевна, светловолосая и светлоглазая была совсем не похожа на свою старшую сестру Полину. И всегда гордилась этим, всячески подчёркивая различие, даже своё простенькое имя Нина переделала в звучное – Нинель.

Полина – небольшого росточка, крепко сбитая, с тяжёлыми, крестьянскими руками, круглым улыбчивым лицом, расцветенным милыми ямочками щёк, с копной густых, тёмно-каштановых волос, являла собой полную противоположность младшей сестре. Они словно день – и ночь: оттеняли и дополняли друг-друга. И, если светлая Нина внешне холодна и слегка надменна, то тёмненькая Полина – открыта, весела и проста.

Может быть, поэтому Константину всегда было легче с тётёй По, чем с матерью. Нина, словно чувствовала себя в чём-то виноватой, и всячески старалась наладить с сыном контакт. Вот и сейчас она засуетилась, наскоро смывая с лица маску, будто её уличили в чём-то неподобающем. Залезбила, затараторила, не зная куда посадить нечастого гостя, чем угостить, как угодить.

Нина не хотела признаваться даже себе в том, что при виде Кости у неё каждый раз ёкало сердце: так он напоминал своего отца, которого она не могла забыть до сих пор. Высокий, тёмный шатен, с яркими голубыми глазами. И лицо – Максима лицо. Нине хотелось плакать. Да нет – кричать! От обиды, несправедливости, ненависти... За то, что бросил, что сломал её жизнь, что исчез сразу – и навсегда...

Костя слегка передёрнул плечом от странного ощущения: в поведении матери проглядывало что-то искусственное, наигранное, словно она хотела своей многословностью прикрыть неудовольствие от того, что он явился в самое неподходящее для неё время. И Костя начал жалеть о том, что пришёл сюда.

– Я к тётё По собираюсь, – сразу решил поставить все точки. – Ты ничего не хочешь ей передать?

Мать сразу смолкла и лицо её стало испуганно-недовольным.

– А надо? – поинтересовалась она.

– Что надо? – не понял Костя. – Передавать?... Но я же не настаиваю – просто спросил.

– Да нет, не то! – пояснила Нина, махнув тонкой, ухоженной ручкой. – Нужно ли тебе ехать туда?... Такая даль. Такая глушь...

Костя внимательно посмотрел на мать, стараясь понять её неудовольствие.

– А когда-то мы каждое лето бывали у тётё По, – напомнил он.

– Не забыл? – криво усмехнулась Нина Яковлевна. – Когда это было...

– Не прошло и десятка лет. – парировал Константин.

– Целых десять лет! – не согласилась мать. – Почти вечность... Тебе было тогда шестнадцать. А мне... Всего тридцать. С хвостиком...

Константин не стал отвечать на недовольство матери, потому что сразу решил не пререкаться, чтобы не повздорить: не хотелось портить настроение на дорогу.

– Когда собираешься? – нехотя поинтересовалась Нина.

– На следующей неделе.

– Смотри не на машине! Угроишь.

– На поезде еду: уж и билет взял до Саратова.

– Перед отъездом заедешь? Кое-что Полине передам.

– Заеду.

– Не забудь предварительно позвонить!

Костя посмотрел на мать словно со стороны, не-то оценивая, не-то удивляясь:

– За кого ты меня принимаешь, ма?

– За... Рагозина. За кого же ещё?!

И началось: та... та... та...

– Хочешь и со мной поругаться? – поинтересовался Костя, перебивая мать.

– С чего бы это?! – взвилась та.

– Не знаю с чего, – пожал плечом Константин, и чтобы предотвратить дальнейшие нравоучения добавил:

– Ты не заметила, ма, что я давно вырос?... Мне двадцать шесть. Не шесть, и даже не шестнадцать... Хватит читать лекции! Я и сам в состоянии прочесть любую лекцию. Но, заметь, не делаю этого...

Нина Яковлевна слегка опешила от такого обращения, ведь раньше Константин никогда не вёл себя так. Её голубые глаза, обрамлённые густыми, красиво изогнутыми ресницами, начали затягиваться слезами и Костя, чтобы предотвратить материнскую истерику, заявил:

– Извини, ма, спешу: у меня скоро встреча с клиентом!

Быстро чмокнув её в щёку, он метнулся за порог, облегчённо вздохнув уже за дверью:

– Кажется, на сей раз обошлось без скандала!

А Нина, промокнув навернувшиеся слёзы салфеткой, (к чему они, когда никого нет рядом?) ещё какое-то время ломала голову над тем, от кого Костя узнал, что за полчаса до его прихода они снова поругались с Димкой? Что кто-то выдал её, она не сомневалась. Только кто?

– Зловредная соседка слева, которая не отходит от дверного глазка ни днём, ни ночью? – предполагала она. – Или сам Димка пожаловался сыну?

Сомнений и вопросов было много – ответа ни одного. Впрочем, долго ломать голову и переживать по пустякам, Ниночка не любила, считая, что такие проявления старят женщину более остальных негативных факторов. Потому через несколько минут она думала уже о том, что передать Полине, чтобы та не смогла осудить, выгодно устроившую свою жизнь, младшую сестру.

Нинель Яковлевна, как она любила говорить, работала дизайнером модной одежды, оставаясь по суди хорошим закройщиком. Потому гардероб у неё был всегда модным, индивидуальным, с учётом её стройной, немного худощавой фигуры. Свои платья, уже вышедшие из моды, она обычно сплавляла старшей сестре. Вот и сейчас Ниночка подобрала целый ворох платьев, которые уже не могла и не хотела носить, в полной уверенности, что Полина приладит их по своей фигуре, ведь швейное дело у обеих сестёр в крови.

Она даже не задумывалась над тем уместны ли в селе такие экстравагантные наряды? Важно было другое: не ударить в грязь лицом перед старшей сестрой, а, может быть, даже и вызвать её зависть.

Получая подарки от Ниночки, Полина всегда думала:

– И зачем мне вся эта красотища? Куда я пойду в таком платье: коров доить, или быкам хвосты крутить?

И большую часть нарядов отдавала соседской девчонке Катюшке: благо, что и переделывать почти ничего не приходилось – разве что убрать неуместные в сельской местности излишества в виде украшений, оборочек и рюшечек.

Тем временем Константин развил бурную деятельность. Подгадав начало отпуска к выходным, он подобрал все свои дела, покидал в рюкзак кое-какие вещички, зачехлил этюдник, упаковал краски и, присев на дорожку для порядка, шагнул за порог квартиры.

Неожиданный отъезд Кости на некоторое время выбил Нину Яковлевну из колеи, вызывая неприятие и досаду, ведь в первый раз сын уехал на родину один, без неё. Но не это волновало Нинель, точнее – не это было главным фактором. Один вопрос не давал женщине покоя:

– Что если Полина не сдержит данное двадцать шесть лет назад слово, и откроет Константину их тайну?

Но, прикинув практически, она решила, что сестре это совсем не выгодно, ведь тогда её авторитет в глазах сына упадёт, как любит выражаться Димка, ниже ватерлинии.

Глава 2. Странный сон

Дорога оказалась не такой тягостной и нудной, как ожидал Константин. Может быть, потому, что он с самого начала настроился на худшее, а может – попутчики попались нестандартные: заводные и весёлые. Даже старушка с нижней полки – баба Маня, оказалась совсем не похожей на тех обычных бабушек со скамеек, которые вечно чем-то недовольны, вечно ворчат и поучают.

Баба Маня потчевала своими «деликатесами» касатиков – как она называла Константина и молодую студенческую пару, совсем недавно соединившую свои судьбы узами Гименея. И те за обе щёки уплетали старушкины печения, соления и варения, не забывая расхваливать их на все лады. Баба Маня широко улыбалась, радуясь тому, что молодёжи нравятся её угощения.

Светлана и Игорь, как молодые, шаловливые котята затевали всевозможные игры, вовлекая в них попутчиков. Смеху, шуткам, розыгрышам не было конца. Константин сначала смотрел на всё это, если и не с удивлением, то с явным непониманием, но вскоре сам втянулся в игры, почувствовав себя не старше студентов второкурсников: стал отвечать на шутки и сам затевать розыгрыши.

Света всё что-нибудь придумывала: то буриме, то города, то фанты, то испорченный телефон, загадки, шарады. Костя дивился, глядя на неистощимую фантазию юной женщины: он был уверен в том, что всё это давно уже в прошлом и молодые люди даже представления не имеют о том, что когда-то всё это имело место быть. Выходит – нет, знают.

Игорь смеялся, глядя на выражения лиц Кости и бабы Мани, и шутил:

– Это Светлая, (иначе, как Светлая он свою половинку и не называл) – на вас свои методы воспитания проверяет: она ведь у меня собирается стать методистом детских дошкольных учреждений!

Баба Маня смеялась ему в ответ:

– Да мы вроде бы уж с Кинстинтином (она никак не могла запомнить его имя) из дошколят выросли! Гляди, каким Кинстинтин-то вымахал? Чай метра два будет...

И Костя улыбался, с удовольствием поддерживая всеобщую весёлость:

– Почти, баба Маня! Почти... Метр девяносто.

– Вот это рост! – восхищалась Светлана. – А мой Игорёк – метр с кепкой!

– Почему это метр с кепкой?! – делал вид, что сердится, Игорь. – Метр семьдесят пять! Разве мало?

– Но ведь не метр девяносто? – доводила его Света.

А, когда Игорь начинал хмуриться, добавляла лукаво:

– А мне почему-то маленькие всю жизнь нравились?

И Игорь, изобразив сердитую мину на лице, напал на неё, словно собираясь наказать за шутку. Смеху было, визгу! Из других купе даже к ним заглядывали, чтобы приобщиться к веселью.

Константин смотрел на юную попутчицу и думал:

– А ведь действительно: светлая. Именно это определение подходит к ней, как никакое другое. Вот и тётя По такая же – светлая и простая... Ах, если бы таких людей было больше, как было бы тогда светло жить. Светло и вольготно...

И ему вдруг так захотелось нарисовать портрет Светланы. Костя достал из рюкзака небольшие листы бумаги на которых обычно делал наброски и, всего несколькими штрихами воссоздал образ девушки.

– Ничего себе! – восхитилась та. – Это ведь я! Как здорово!

– Действительно: похожа, – добавил Игорь, придиричиво рассматривая набросок. – Да ты у меня, Светлая, просто красавица...

– Красавица-красавица – это точно, – подтвердила и баба Маня. – Повезло тебе Игорёк с женой-то: и красавица, и умница. Ты уж её береги, пожалуйста, не потеряй! А то я вас знаю, молодых! Все вы – Маши-потеряши.

Костя нарисовал несколько портретов Светлой, раздал их попутчикам, а один – самый первый набросок оставил себе, чтобы использовать его в какой-нибудь гравюре. Какой он пока не придумал, но был уверен, что случай представится.

Предлагал сделать портрет и бабе Мане, но та в ответ только руками замахала:

– Что ты, Кинстинтин?! Зачем это? Вот кабы десять-пятнадцать лет назад... Я тогда ещё ничего была. А сейчас? Старая, беззубая. Кто смотреть-то будет на такое чудо?

И засмеялась от души, совсем не комплексуя по поводу своей старости и беззубости.

– Не прибедряйтесь, баб Мань! – сказала Света. – Вы и сейчас – хоть куда!

– Я бы даже сказал так: импозантная женщина в самом расцвете жизни! – добавил с улыбкой Игорь.

– Скажешь тоже? – слегка засмушалась старушка. – Импозантная! Где только такое слово выискал?

А потом с сомнением добавила:

– А оно не ругательное?

– Да нет же, баба Маня! Нет! – запротестовал Игорь. – Импозантная – значит видная, заметная – выделяющаяся.

– Ну, если так – тогда ладно, – успокоилась баба Маня, но позировать всё же не согласилась.

К исходу вторых суток веселья чуть поубавилось. Баба Маня занялась вязаньем ярких варежек для внучки, Светлана взялась за бульварный роман, а Игорь почитывал какую-то техническую литературу. Костя, то брался за купленный им перед отъездом гламурный журнал о жизни московской элиты, то дремал, положив журнал на лицо, то просто бродил мыслью по своей жизни, отмечая кое-какие вехи и огрехи.

В последнюю ночь ему приснился очень странный, непонятный сон. Снилось незнакомое помещение с низким потолком, который он едва не задевал головой, и стенами, меняющими своё местоположение, как какой-то непонятный трансформер, то удаляясь в бесконечность, то приближаясь на расстояние вытянутой руки.

Стоял полумрак: слабое освещение шло из середины комнаты. Когда Константин приблизился к этому месту, то понял, что оно исходит от зеркала – высокого, в его рост, явно старинного, обрамлённого какими-то фигурами, завитками и вензелями. Такие зеркала он видел в одном из дворцов Питера и потом использовал зарисовку в гравюре к рассказу самодельного автора, желающего запечатлеть своё произведение на страницах собственной книги. Рассказ мистическим образом был связан с зеркалами, потому именно такое изображение старинного зеркала было там уместно.

Но в его сне, как показалось сначала, зеркало было самым обычным – не мистическим. Необычно было комнатное пространство, которое ежесекундно сжималось, подвигая его ближе и ближе к зеркальной поверхности. Липкий страх, постепенно усиливаясь, тоненькими пальчиками щекотал и будоражил нервы, проникая под одежду, холодя душу и поднимая адреналин на небывалую высоту.

Неожиданно стех растворился, как льдинка в бокале вина, и Костю начал обволакивать тонким лёгким покрывалом нежный, едва уловимый запах, который усиливался с каждым мгновением. Запах только что распустившегося ландыша, ворвался в сознание внезапной волной и так же, внезапно затух. Терпкий запах земляники с едва ощутимыми нотками сирени сменил предыдущую волну легко и нежно. Эти запахи – до боли знакомые, тревожные, шли оттуда, из пространства перед ним – маняще, призывно. И Константин сделал шаг вперёд.

Перед ним расстился осенний сад, слегка пожухлый, подавляя жёлтым, слегка приглушённым, цветом. И сразу, как цунами, с головой накрыло странное ощущение, что он тут не один. И – волной желание: такое сильное, острое, какого он никогда в своей жизни не испытывал. А впереди, казалось только на расстоянии вытянутой руки тонкий, почти невесомый женский силуэт. Длинное, в землю платье, из какого-то позапрошлого века, распущенные по плечам тёмные, волнистые волосы, красивый изгиб стана, ножка в атласной туфельке.

Константин инстинктивно протянул вперёд руку, к плечу девушки, желая повернуть её лицом к себе. В ответ нечеловеческий хохот, несущийся откуда-то сзади:

– Не тронь! Не твоя!

Тут же всё исчезло: и девушка, и зазеркальное пространство, и странная комната-трансформер. Остались только холод и пустота: ни всплеска чувств, ни всплеска мысли – словно в могиле. Костя рванулся на своей полке, просыпаясь в поту и ужасе.

– Ты что, касатик? – поинтересовалась баба Маня. – Я уж думала, что с полки упадёшь!

– Да так, – приходя в себя, ответил Константин. – Сон дурной приснился.

– А ты поди умойся, – посоветовала старушка, – и повтори три раза: куда вода – туда и сон! Всё и утечёт: вода всё плохое уносит.

Около двенадцати поезд прибыл в Саратов. Костя смотрел в окно рассеянным взглядом, всё ещё под впечатлением своего сна. Тихо наплывало здание вокзала – совсем незнакомое, словно впервые увиденное, а ведь когда-то он исходил тут всё вдоль и поперёк. Теперь же не узнавал ничего. Но это не озадачило – промелькнуло и погасло, как искра от затухающего костра.

И снова, как десять лет назад, он бродил по привокзальной площади, стоял перед памятником Держинского, припомнив, что тогда удивился, что железный Феликс встречает гостей города не анфасом, и даже не профилем, а – спиной.

– Знаковая поза: так же, как и вся российская власть – всегда, мягко говоря, спиной, – усмехнулся он мысленно.

Воспоминания возвращались медленно, постепенно, и скоро он забыл о странном сне, что так испугал его этой ночью. А через два часа Костя у же трясся в автобусе на Хвалынский. И дальше – на попутке до Ивановки.

Глава 3. Дуля с Мартынова сада

Константин шёл по главной улице Ивановки, поглядывая по сторонам. Лето в разгаре, солнце клонилось к западу, но было ещё высоко над горизонтом. Рабочий день не закончился, потому на улице почти никого не было. Иногда любопытно-шумная ватага ребятишек выныривала откуда-то из подворотни и с гиканьем проносилась мимо поднимая пыль. При третьем её появлении Костя понял, что это одни и те же пацаны нарезают круги, не осмеливаясь подойти ближе.

Дом Рагозиных стоял на самом конце улицы, в отдалении начинался глубокий овраг, поросший невысоким кустарником и травой. А дальше, за горизонт уходила степь, перемежаясь невысокими меловыми курганами и лесопосадками. Ширь была необъятная: ни тебе бетонных коробок-домов, ни тебе машин. Константин прислушался, ожидая, что его окутает непривычная тишина. Ан, нет! Ширь звенела, пела на разные голоса – жила.

Он опустил вещмешок на скамеечку возле палисадника и присел сам, вытягивая ноги. Мальчишки, сделав очередной круг, с шумом унеслись прочь, вызывая у парня улыбку. Ему вспомнилось, как он сам когда-то носился вот так же по этой самой улице, в первый же день своего пребывания перезнакомившись со всеми местными пацанами.

– Потом столько было всего! – припоминая, улыбнулся Костя. – И набеги на сады, и походы за земляникой, и рыбалка на Волге, куда меня брал сосед дядька Николай. Столько интересного тогда было! Столько нового! Неизведанного...

Родина открывала свои красоты постепенно, словно исподволь приучая городского парнишку к своим тайнствам, к своим секретам.

Сколько Константин созерцал местные красоты – неизвестно. Да и что ему оставалось: приехал без предупреждения, а потому его никто не ждал. На двери тётушкиного дома красовался большой замок. Оставалось одно: ждать самому.

Его внимание привлекло стадо коров, вынырнувшее со стороны оврага словно из под земли. Стадо подгонял пастушок с длинным кнутом, шёлкая им то с одного бока, то с другого: упрямые животные никак не хотели возвращаться домой, норовя улизнуть от всевидящего ока мальчишки. Но не тут-то было: маленькая собачонка своим залившимся лаем предупреждала об этом пастушка и тот немедленно возвращал животное в стадо.

Вновь появилась ватага ребятишек, и увязалась за стадом. Некоторые из пацанов стали выкрикивать странные слова:

– Дуля! Дуля! Дуля с Мартынова сада!

Пастушок сначала не обращал на них внимания, а потом так щёлкнул в воздухе кнутом, что ватага в испуге рассыпалась в разные стороны, улепётывая прочь.

Когда пастушок подошёл ближе, Костя понял, что это не парнишка, а девушка. Стройная, довольно высокая с вполне развитой грудью, обтянутой клетчатой рубашкой мужского покроя. Особенно поразили Константина глаза девушки: какого-то серебристо-серого цвета, строгие, чуть печальные. Она остановилась напротив него и спросила:

– Ты кто?

– Я? – переспросил он. – Константин.

– А-а, – отреагировала девчонка. – Ну тогда забирай Белянку и гони её в хлев.
– Так закрыто же всё? – попытался запротестовать парень.

Девчонка посмотрела на него с лукавой усмешкой и ответила:

– Хлев – не заперт. А ключ от дома под половичком.

И с достоинством удалилась прочь грозно покрикивая на своих подопечных:

– Домой! Домой! Ну, пошли, пошли!... Кому сказала: домой!... Куда же это вас несёт, окаянных?!

Девчонка-пастушок скрылась в пыли, а Косте не осталось ничего иного, как загонять тётушкину корову в хлев. Он открыл ворота, взял хворостинку, лежащую у палисадника и легонько стегнул корову. Та нехотя оторвалась от густой травы, росшей вдоль обочины дорожки, и пошла в ворота, направляясь вглубь двора к знакомому ей строению.

Костя закрыл ворота и двинулся следом. Задержавшись на пороге нехитрого строения, он неожиданно вспомнил Владимира Валуцкого и продекламировал:

– В коровник я попал случайно!

И добавил с недовольством уже от себя:

– Не хватало ещё в коровью лепёшку вляпаться.

Хотя он, пожалуй, на сей раз был слишком придирчив: в хлеву – чисто, а в яслях лежало свежее сено, куда и направилась Белянка.

– Ну, что же, на этом моя миссия закончена! – заключил он, закрывая ворота сарая. – Пора и в родные пенаты.

Ключ действительно лежал под половичком у самого порога входной двери. Костя с недоумением подумал:

– Как тут всё запущено-то? Если какой-то пастушок знает про ключ, то, наверное, и всё село знает...

Но говорить об этом тётушке бесполезно. Костя улыбнулся, представляя выражение её лица и ответ:

– Да, что у меня брат, Костик? Всё моё богатство – во мне самой.

Дом встретил Константина тишиной и прохладой: деревянный сруб хорошо сохранял комфортную температуру и зимой и летом.

– Ничего не изменилось! – улыбнулся он, поводя глазами по скромно обставленной комнате. – Всё тот же диванчик, тот же старинный буфет с резными ножками, круглый стол посередине комнаты и «хрустальная» люстра над ним. Шифоньер и книжные полки, заставленные доверху книгами – особая гордость тётушки По... Она до сих пор не утратила интерес к чтению.

И, действительно: на диванчике лежала тоненькая брошюра, оставленная хозяйкой. Костя сел на диван, посмотрел на книжицу. Это было что-то специальное, по животноводству, и не вдаваясь в подробности, он переложил её на стол, а сам лёг на диван, вытягивая ноги. Лежал и думал о том, как, возможно, уже завтра напросится на рыбалку с тётушкиным соседом, а может быть просто возьмёт мольберт и будет смотреть, как азартно дядька Николай ловит рыбу, и рисовать.

Скрипнула входная дверь и кто-то легко пошёл по коридору. Константин поднялся с дивана навстречу вошедшему. На пороге стояла тётя Поля. Всё такая же, какой он видел её пару лет назад, когда она приезжала к ним в Москву.

– Здравствуйте Вам, Полина Яковлевна! – засмеялся Костя. – Гостей принимаете?

Полина Яковлевна в сильном волнении всплеснула руками:

– Кто это к нам приехал?! Неужто Костик-хвостик, вспомнил наконец, о своей тётушке По?... Что же не сообщил о приезде? Я бы встретила. Сегодня как раз была в Хвалынске – по делам... Когда прибыл?

– Пару часов назад, – всё ещё улыбаясь, ответил Костя.

– И что лыбишься-то? – удивилась Полина. – Аль на мне узоры какие написаны?

– Рад! Вот и лыблюсь, – вспомнил тот забытое слово.

– Дай посмотри на тебя, Костик!... Да ты никак ещё подрос? Или это я меньше стала...

Она прижалась к Константину головой, которая едва доходила ему до середины груди и сказала:

– Как же я рада тебя видеть!...

А потом обеспокоенно:

– Ты же у меня, наверное, голодный?! А я тут сантименты развожу!

Потом они ужинали и разговаривали. Разговаривали, как старинные, закадычные друзья, которые были много лет в разлуке. Было столько много общих тем и интересов, хотя казалось бы – откуда: Полина всю жизнь прожила здесь, в родной Ивановке, а Костя, сколько себя помнит, жил в Москве. Глаза Полины Яковлевны лучились радостью и пониманием, а на душе Константина становилось тихо и вольготно. Ему вдруг показалось, что он, наконец, вернулся домой.

Костя припомнил, мучивший его вопрос, и поинтересовался:

– По, а почему девчонку-пастушку сельские мальчишки называют Дулей с Мартынова сада?

Полина посмотрела на него пытливо:

– А ты, что не узнал её?

– Нет, – ответил Константин. – А должен был?

– Так это же соседская Катерина! Дочь Николая и Валентины... Ну? Это ведь она в последний твой приезд, бегала за тобой, как собачонка, а ты называл её невестой?... Катюшка сердилась на тебя и отставала...

– Что-то припоминаю. – улыбнулся Костя. – Ну да, соседская девчушка... Сколько же ей тогда было?

– Десять? – сама себя спросила Полина. – Ну да, десять... Ежели сейчас ей почти двадцать...

– Как летит время?! – удивился Костя. – Была маленькой девчонкой... А теперь – красивая девушка!

Полина посмотрела на Костю обеспокоенно и погрозила пальцем:

– Но-но! Ты это брось, Костик! Знаю я вас – городских! Катюше хоть и двадцать, но она ещё девчонка.

И Костя, чтобы отвести от себя подозрения, вернулся к прежней теме:

– Ты так и не сказала мне: почему дуля?

Полина неожиданно засмеялась, видимо, что-то припоминая, а потом начала свой рассказ:

– О, это была весьма поучительная история!... Года два назад, к нам в Ивановку приезжал один городской парень... Не из Москвы, конечно – из Саратова... Увидел нашу Катюшку и воспылал к ней чувствами... Ну и прохода не стал давать: где бы она не шла – он тут, как тут. Разговоры всякие заводит, словами заковыристыми, как фокусник булавами, жонглирует: всё хочет показать, что умный – не чета нашим сельским парням... А Катя на него ноль внимания. Разозлился городской на такое равнодушие, и как-то принародно говорит ей:

– «И что ты, Гюльчатая, личико своё постоянно воротить? Не могу понять: гордишься что-ли?... Я вот хочу с тобой поближе познакомится...»

И этак с намёком подмигивает.

Катюшка посмотрела на него оценивающим взглядом и спрашивает:

– А дулю с Мартынова сада не хочешь?

Вокруг все засмеялись, даже те, что с ним был. Парень на секунду опешил, а потом неожиданно размахнулся и дал девчонке пощёчину. Все вокруг замерли, а «кавалер» смотрит Наполеоном, ходит гоголем, уверенный в полной своей безнаказанности.

Катерина вспыхнула даже от такой дерзости и метнулась прочь. А парень этак победоносно к своим друзьям: вот дескать, как нужно со строптивыми девками обращаться. И не знает, дурачок, что Катя обид не прощает и всегда за себя может постоять...

Смотрят все: девчонка уже возвращается, а на плече у неё кнут (она уже тогда вместо погибшего отца пастухом работала). Тишина стала, как на кладбище. А парень усмехается:

– Что за защитничком бегала?

– Мне защитники ни к чему! – Катерина отвечает. – Я и сама за себя могу постоять.

Да как жихнет кнутом! Так у парня на мягком месте не только джинсы лопнули. Завопил он не своим голосом и прочь кинулся. Хохот поднялся, можно сказать, гомерический, а Катюшка спокойно развернулась и домой ушла... Больше городского умника у нас в селе не видели: сказывали – утром следующего же дня уехал.

Костя представил эту картину и засмеялся от души:

– Молодец, девчонка! Знай наших!

А Полина продолжила:

– Ну вот с тех пор пацанята иногда и выдаёт эту «дулю с Мартынова сада», хоть и побаивается: знают ведь – Катерина шутить не станет... Хотя она их только попугивает. Кнутом-то она виртуозно владеет: не у одного из них шапку сбивала одним взмахом, не задев головы.

– Да, серьёзная девушка! – признал Константин.

– Не-то слово! – подтвердила Полина.

Они помолчали пару секунд и Константин вдруг припомнил:

– Так ты сказала, По, что дядька Николай погиб? Как же это случилось? Теперь Катя вдвоём с матерью остались?

– Одна она! – ответила Полина. – Одна осталась, горемычная. Валентина померла, когда Кате и пятнадцати не было... Всё болела и болела... Николай и начал попивать. Любил он жену. Очень.

Полина остановилась, словно переводя дыхание, а потом продолжила:

– Всё хозяйство на девчонку свалилось, как снег на голову. А тут ещё отец закуролесил: то разыскивать по селу приходится, то домой тащить еле живого, то за него коров пасти, когда в запой уходит... Не сладко жилось девоньке... Я поддерживала, как могла – ведь крёстная её...

Прибежит бывало, упадёт ко мне в колени, выплечется, выскажется. Я пожалею, что-нибудь присоветую... Она и дальше живёт... А года два назад лошадь Николая понесла: пьяных на дух не переносила. Упал он, да так неловко: головой о железью какую-то ударился... Сразу погиб.

Полина Яковлевна продолжила с досадой:

– Ведь говорила же ему! Предупреждала... Не любит Манька выпивох! Не любит! Не послушал. Оставил вот девчонку одну... Хотела Катерина после школы учиться на зоотехника: по моим стопам решила пойти. С детства любит крестница с животинкой разной возится. А после этого – куда там?... Пошла работать. Днём вот коров пасёт, а по вечерам полы в Администрации моет... А ведь в школе училась неплохо. И учителя её всегда хвалили... Теперь вот – пастушит, девонька... Вот такие наши дела скорбные.

– Ох-хо-хонюшки, Костик?! – спохватилась Полина Яковлевна. – Дело-то уже за полночь? За разговорами и не увидела, как время прошло-пролетело! Ложится нужно, касатик, завтра встать раненько придётся: мне в коровник, а тебе коровушку выгнать в стадо. Такое тебе задание на завтра!

Она постелила Косте в маленькой боковой комнатке, предназначенной для самых дорогих гостей, а сама ушла к себе в спальню, пожелав спокойной ночи. Костя уснул сразу, едва коснувшись головой подушки. И снова ему приснился тот же сон, что в поезде. Та же комната-трансформер, то же зазеркальное пространство, тот же, слегка пожухлый сад, та же девушка в длинном платье, стоящая к нему спиной. Только на этот раз она стояла перед высоким зеркалом, в котором не было её отображения.

И снова, как сутки назад, Константина обуял необъяснимый страх после слов невидимого соперника:

– Не тронь! Не твоя!

И снова могильный холод. И крик.

Кричал Костя. Кричал так, словно случилось непоправимое. Этот крик разбудил Полину Яковлевну. Она заскочила к нему в комнату, на ходу запахивая халатик. Включила свет, хотя рассвет уже занимался где-то далеко-далеко, слегка пробиваясь через оконца. Костя сидел на кровати, обхватив колени руками, и губы его тряслись.

– Да что же это такое? – испугалась женщина, встревоженно глядя на своего любимца. – Ты что, касатик мой?!

Тот, словно отходя от чего-то непонятного, так его напугавшего, сказал тихо:

– Ничего, По... Это просто сон... Снова этот сон...

Уснуть больше они не смогли оба. Сидели на кухоньке, молча пили чай. Костя с отсутствующим выражением лица, Полина, обеспокоенно, время от времени поглядывая на него. Спросить, что могло так напугать взрослого парня, она не решилась.

– Если посчитает нужным расскажет сам! – подумала она, предоставляя право выбора самому дорогому для неё человеку.

Занималось утро. Лучи уже несмело золотили окно, проникая в комнату, как трусливый воришка: крадучись по подоконнику внутрь, колыхаясь, под напором преграды густых ветвей, растущего перед окном высокого куста жасмина. Но обитатели дома, словно не видели этого: их заботило нечто иное. Константин думал о своём, повторяющемся сне, а Полину беспокоило состояние Костика.

– Что-то тут не так! – думала она. – Нужно присмотреться к мальчишке повнимательней.

Конечно же, Костя для неё всё ещё был мальчишкой, которого она и любила, и беспокоилась за него. Особенно её волновал один вопрос:

– Что-то мальчик слишком заинтересовался соседкой?

Поэтому женщина сразу решила пресечь это на корню:

– Ты это, Константин! Смотри у меня...

– Что так? – вскинул голову тот, выплывая из задумчивости – По всегда в особо ответственные моменты называла его полным именем.

– Не забудь смотри девчонку! Помни, что я её крёстная мать, и если что – взгрею по первое число!

– За кого вы меня принимаете? – слабо запротестовал Костя.

И Полина ответила точь-в-точь, как мать:

– За Рагозина! За кого же ещё?!

Глава 4, Катерина

Утром, выгоняя корову в стадо, Костя столкнулся со взглядом пастушки – внимательным и строгим. Этот взгляд словно что-то ожидал от него.

– Ну, здравствуй, Катюша! – сказал он улыбочиво. – Прости, не узнал тебя сразу... Ты так выросла. Похорошела...

– Спасибо, – ответила Катя, улыбнувшись в ответ. И неожиданно смутилась. Её не загорелые щёки порозовели, делая мрамор кожи тёплым и трепетным.

Девушка тихонько засмеялась, сделала вид, что её больше интересуют рогатые подопечные, чем общение с молодым человеком, и постаралась поскорее уйти вслед за стадом, направляющимся в сторону оврага.

– Когда тебя назад ждать, красавица? – задорно прокричал Костя ей во след.

– К шести вечера вернёмся! – ответила девушка и громко щёлкнула кнутом, призывая стадо к порядку.

Весь день Константин рисовал девушку из сна. Он сделал около десятка набросков и понял, что эта истории всё больше и больше затягивает его. Косте начало казаться, что это и не сон вовсе, а было на самом деле.

– Чёрт знает что! – с удивлением сказал он, взмахом головы убирая волосы, волной ниспадающие на лицо. – Так и свихнуться недолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.